

ФИЛОСОФИЯ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Фото из личного архива Вячеслава Липского

ЪК ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВОГО АВТОРА И УЧАСТНИКА ПРОЕКТА «НАЧАЛО КОНЦА» – ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВИЧА ЛИПСКОГО. БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ ЕГО МОЖНО НАЗВАТЬ «ПОСЛЕДНИМ ИЗ МОГИКАН» В ТОМ СМЫСЛЕ, ЧТО ЭТОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ПОДЛИННЫЙ, ОРГАНИЧНЫЙ ФИЛОСОФ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ДВАЖДЫ БЫЛ ВОСТРЕБОВАН ВЫСШИМИ ОРГАНАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ. В КОНЦЕ 1980-Х ОН ОКАЗАЛСЯ ПОСЛЕДНИМ СЕКРЕТАРЕМ ПО ИДЕОЛОГИИ ОБКОМА КПСС, И ЕМУ БЫЛО СУЖДЕНО ГОТОВИТЬ «ТРУДЯЩИЕСЯ МАССЫ» К ВОСПРИЯТИЮ БУДУЩЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ. А В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х УЖЕ В АДМИНИСТРАЦИИ ВАДИМА СОЛОВЬЕВА, ПЕРВОГО ГУБЕРНАТОРА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ, ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ПЫТАЛСЯ УРАВНОВЕСИТЬ ПЫЛКИЕ АМБИЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМАТОРОВ И ЗДОРОВЫЙ (ИЛИ НЕЗДОРОВЫЙ?) КОНСЕРВАТИЗМ «КРАСНЫХ ДИРЕКТОРОВ». НО ДАЖЕ В САМЫЕ НАСЫЩЕННЫЕ «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНОЙ» И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГОДЫ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ НЕ ТЕРЯЛ СВЯЗИ СО СВОЕЙ РОДНОЙ КАФЕДРОЙ В ЧЕЛЯБИНСКОМ ПЕДИНСТИТУТЕ, КОТОРОМУ СЛУЖИТ ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ... 50 ЛЕТ!

Преподаватель В. Липский. Лекция по философии. ЧГПИ, 1968

Когда в марте 1985 года М.С. Горбачев пришел к власти, я еще был философом, заведовал кафедрой научного коммунизма в пединституте. Для нас «избрание» нового генсека не стало неожиданностью. Безусловно, было радостно, что пришел молодой образованный человек. Мы еще не знали, что он когда-то был комбайнером, но сразу прозвучало, что окончил юридический факультет МГУ. Ожидания, естественно, были самые оптимистические. Думаю, у большинства людей — не только у философов.

Горбачевскую «перестройку» можно рассматривать в двух ипостасях. С одной стороны, как разновидность «русской рулетки», а с другой — как нормальный, естественный, общечеловеческий, общецивилизационный процесс. О первом случае написано и сказано достаточно, но и сегодня не утихают споры и разговоры на эту тему. Но вот по поводу «перестройки» как эволюционного процесса практически не встретишь значимых научных толкований. Поэтому я в большей степени обращаюсь ко второму аспекту темы, нашедшему отражение в трудах самых заметных западных философов второй половины XX века. Тогда о судьбе грядущего общества громко заговорили новые пророки, их было много, и мы их знали: Даниэл Белл, Уолт Ростоу, Жан Фурастье, Джон Гэлбрейт, Реймон Арон, Элвин Тоффлер, который, кстати, считался «штатным» футурологом, предсказывающим человечеству, что и когда с ним произойдет.

И, как выяснилось в дальнейшем, эти яркие социальные мыслители несли не какой-то там философский бред,

как суровые практики воспринимали их суждения о постиндустриализме и смене волн общественного развития, о чем писал Тоффлер, — а глубокие идеи, оказавшиеся созвучными политическим, социальным и культурным реалиям того времени. Кстати, термин «постиндустриальное развитие» первыми ввели Фурастье, Ростоу, Гэлбрейт и Арон. До них западные философы обвиняли Маркса в неправоте его предсказаний о будущем посткапиталистическом развитии общества. Сами же «апологеты капитализма» считали, что индустриальное общество есть высший этап развития человечества и что ничего другого, тем более коммунизма, не может быть в принципе. И тут вдруг один за другим прозвучали «выстрелы»! Причем «били» не только сами американцы. Да, они были первыми, потому что давно уже шли впереди всех в социальном развитии. Они первыми разглядели новые проблемы и начали осмысливать грядущие изменения.

Конечно, теория Даниэла Белла о постиндустриальном развитии по нынешним меркам, может быть, и копейки не стоит, но в то время, когда он утверждал, что грядет новое общество, в котором кардинально изменится структура экономики в пользу сферы услуг, а не материального производства (он даже называл проценты!), в ответ мы дружно смеялись: «Какая сфера услуг?! вспомните Россию и Англию XIX века, когда слуг и услуг было больше, чем работников! Так это что же — мы назад идем?»

Второй критерий Белла — появление новых средств информации и способов ее передачи. И к нему мы отнеслись критически, вспомнив притчу о египетском фараоне, к которому пришел изобретатель письменности Бог мудрости и знаний Тот. Правитель его спросил: «Ну, и что же вы изобрели?» — «То, что у нас хранится в голове, отныне можно оставлять в виде записей на папирусе или камне!» Мудрый фараон горько запричитал: «Если человек не сможет удержать в голове свои мысли — то он будет пустой и нищей разумом...»

И вот Белл сказал свое слово, а уже следом каждый мыслитель прибавлял что-то свое. Например, Тоффлер в «Шоке будущего» обстоятельно рассмотрел психологическую реакцию человека на ускорение темпов технологического и социального прогресса. Он же ввел свою градацию человеческой истории, хотя она мало чем отличается от всех других классификаций, периодизаций истории. По Марксу, это «формации», а у Сен-Симона и прочих — «стадии», «ступени»...

Тоффлер так сформулировал три ступени человеческой истории. Первая волна (или стадия) — аграрное общество, которое существовало 10 тысяч лет. И ее символ — мотыга. Вторая волна — индустриальное общество, ему всего 300 лет, а символом стал конвейер. И вот теперь наступило «будущее», а именно информационное общество, символом которого будет компьютер. Далее Тоффлер весьма обстоятельно обосновывает четыре совершенно великолепных критерия нового информационного общества.

Первое — ведущей, основной отраслью экономики становится интеллектуальное производство. Второе — информация рассматривается как главная производительная сила, а информационные ресурсы — потенциально самый большой источник капитала. Третье — информационный сектор экономики развивается более быстрыми темпами, чем остальные отрасли. И четвертое — информация становится предметом массового потребления, и она доступна каждому благодаря своей относительной дешевизне.

Обо всем этом Тоффлер начал говорить еще в 1970-е годы. И мы, молодые преподаватели, уже знали, что в Штатах есть футуролог, который точно знает, что наступит, например, в 2000 году. В то время Тоффлер давал именно футурологические прогнозы. Кстати, я почему-то считал, что Тоффлер уже умер, но он снова и снова выходит на высокую научную орбиту. В позапрошлом году посетил Россию, был у китайцев, недавно выпустил очередную книжку. Он пишет и пишет — и, конечно, все более умные вещи...

Стоят справа налево: В. Липский, П. Сумин. Обком ВЛКСМ, 1974

Я окончил Уральский госуниверситет в 1964 году, а начинал в 1959-м, когда еще не было философского факультета, а был исторический, но у нас делался акцент на философию, и все ведущие уральские философы — Лев Коган, Михаил Руткевич, Константин Любутин — читали нам лекции. Тогда в наших головах забродило некое вольнодумство, правда, оно было в определенных рамках, эдакое «кухонное», «общежитское». Но все равно оно уже было, и для нас стала доступной самиздатовская литература, которая передавалась по рукам. И тут, конечно, ведущую роль играл Лев Наумович Коган, с которым у нас наладилось самое дружеское общение.

Но это — философы! А политики-то как взбесились... Начиная с 1950-х годов, многие стали заявлять свои программы, вызывающие в мыслящем сообществе откровенное ехидство и даже смех... Вот один начинает проповедовать «общество всеобщего благоденствия», другой — «общество равных возможностей»... Линдон Джонсон, ставший президентом США после гибели Джона Кеннеди, выступил с программой «народного капитализма», над которой многие смеялись. А потом в 1976 году уже Джимми Картер шел на президентские выборы с идеей «пенсии-фондового социализма».

Но все равно мы тогда уже серьезно задумывались: что же происходит? Почему западные политики, как в старые добрые времена, не идут на выборы с традиционными программами, а обозначают «новое общество», которое они собираются построить, а не просто внести какие-то изменения в сложившуюся систему? То есть каждый общественно-политический деятель на Западе как бы предлагал «перестройку». И она у них достаточно успешно проводилась, реализовывалась на практике. В тех же Штатах уже работала Система, причем даже в том случае, когда, например, к власти приходил неадекватный тип вроде Буша-младшего...

Кстати, что касается внешней политики, то и Джонсон, и Никсон держались вполне традиционного реакционного экспансионистского курса, связанного с милитаризацией и наращиванием своего присутствия по всему миру. Мы тогда больше обращали внимания на то, как Америка, словно спрут, охватывает полмира, а потом уже и весь мир. И мы меньше внимания обращали на то, что происходило в самой Америке. А ведь за каждой новой программой стоял не один человек, а крупные институты и вся Система.

Даже если сам президент оказывался бессодержательным, пустым, тем не менее Система продолжала функционировать и приводила к определенному результату. Кто-то тогда писал: «Если вспомнить историческое начало становления Америки, когда только-только формировалась американская система общественно-политических отношений и государственности, то Джордж Буш-младший со своим интеллектом и возможностями был бы третьим секретарем четвертого подотдела третьего отдела второго управления...» То есть современная, налаженная политическая система в США может себе позволить роскошь иметь во главе страны дурака. И именно Система сама все «решает» и «двигает» страну вперед. И практически для нее не имеет значения: кто и что болтает в Белом доме. Ну, например, намеренно госсекретарь Джон Керри эдак по-дружески заметил: «Да не слушайте вы Обаму!..»

Я хочу сказать, что в западных странах в 1960–1970–1980-е годы действительно имели место перестроечные процессы. Да и у нас тоже что-то потихонечку задвигалось. Вот говорят, что Горбачев — это случайность, и Андропов — случайность... Нет, не случайность! В нашем обществе подспудно шла медленная эволюция. Может быть, она еще мало касалась обновления общества, но идеи и смыслы накапливались, проблемы обозначались. Возможно, большинству казалось, что в политических решениях очередного съезда КПСС и в экономических целях новой пятилетки всегда пишется почти одно и то же. И что все члены Политбюро — красивые, солидные и мудрые — представляют собою цельный политический монолит. Но фактически и до нас доходило, что у высших руководителей партии и правительства могли быть разные трактовки актуальных событий и решений.

Общее впечатление было такое: мы идем вперед... от съезда к съезду. И каждый съезд не выглядел копией предыдущего. Ставились какие-то новые задачи. Можно, конечно, поиздеваться по поводу коммунистической трескотни, своеобразного языка... Но за этими литыми фразами все равно угадывались смыслы — и особенно они раскодировались по поступкам, по событийному ряду: «Ага, значит, вот куда мы идем, значит, вот что надо делать...» Особенно это проявлялось в поступках, которые

совершались полуофициально. Случались какие-то беседы, встречи того же Андропова с интеллигенцией. Ну почему он спасал Таганку? Которая «ой-ой-ой!» — я все спектакли на Таганке посмотрел с начала 70-х годов, пока учился в аспирантуре. Что они там творили, на что намекали! Но Андропов не позволил ее закрыть: «Пусть Таганка будет...» И не только Таганка, а и театр на Малой Бронной. Ой-ой! Как там Анатолий Эфрос поставил «Ромео и Джульетту»! С какими намеками на «время»... Монтеки и Капулетти — то есть один «носитель добра», а другой — «носитель зла». Это же там главное, а не Ромео и Джульетта...

И ведь не только избранные, вроде Андропова, могли это читать, а значительная часть общества читала и понимала. Есть интереснейшие воспоминания Льва Когана о встречах и беседах с Леонидом Броневым, Сергеем Юрским в 60–70-е годы. А поэты — какая тройка тогда прорвалась: Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина! Окуджава вообще был моим кумиром — не Высоцкий, а именно Окуджава. И все это тоже ведь не случайность. Это тоже какое-то движение вперед, новое осмысление, новые идеи, завораживающие идеи! И далеко не на «кухне», не в изоляции! А в этом мире! Поэты собирали огромные залы — чуть ли не стадионы! Поэтому говорить, что «партия так-то и так-то зажимала...» Да нет. Она открывала возможности — значит, мы все-таки эволюционировали, мы шли вперед. Сейчас поносят «застой» при Брежневе. Ха-ха! — я бы еще пожил при таком «застое»! Интеллектуального-то застоя не было! Абсолютно. Это было очень подвижное время, интересное...

Для многих ведь именно 1970-е, а особенно начало 1980-х, были настоящим интеллектуальным пиршеством. В народ пошли шедевры Булгакова, Платонова, Пастернака... Я и мои друзья ежегодно подписывались на журнал «Новый мир», пока редактором был Александр Твардовский. Причем буквально каждый номер читали от корки до корки: публицистику, прозу, поэзию... Потом встречались, обсуждали, спорили. Появились и западные книжки, пусть где-то примитивные, типа «Аэропорта» Артура Хейли или «Богач, бедняк», «Ночной портье» Ирвина Шоу... Но все равно это было увлекательное чтение! Люди друг другу что-то давали почитать на ночь, обменивались новинками — это была очень активная интеллектуальная работа. Центральное телевидение систематически показывало творческие встречи с писателями, актерами, учеными. Какой махиной предстал тогда Чингиз Айтматов! Мы по месяцу успокоиться не могли после таких встреч и откровений! А какие были потрясающие фильмы Василия Шукшина, Георгия Данелии, Эльдара Рязанова, Петра Тодоровского... Мы тогда жили реальной, насыщенной жизнью.

И если, скажем, сейчас сравнить 1990-е и 2000-е годы с «эпохой застоя», то те годы были интереснее во всех отношениях. И для меня лично они дали много боль-

Сидят слева направо: Ю Захаров, В. Липский, А. Цфасман. НОУ «Курчатовец» на теплоходе. Река Енисей, 1970-е

ше, чем последующие десятилетия. Ну, к этому можно по-разному относиться — конечно, сказывается и возраст — в молодости ведь намного интенсивнее идет обмен смыслами, впечатлениями, информацией. Но я могу определенно сказать, что в 90-е годы я сильно тосковал по прошлому — оно было чрезвычайно интересным. А какой был потрясающий театр! Да я и сейчас тоскую. Этот бешеный поток информации, сверхплотное информационное пространство — оно крайне негативно влияет на сознание, по крайней мере, лично мое. И очень сильно его меняет. Тут еще можно уйти в трактовки типа «постмодерна», «клипового сознания» и прочее.

Теперь о том, что касается моих тогдашних представлений о геополитике. Тогда, например, для меня Штаты не были никаким геополитическим противником. Если сравнить нынешнее время и те же 70-е, разница значительная. Сейчас и для меня, и практически для всех на первом месте — геополитика. Она и в головах, и в телевизоре, и в сети... А раньше ничего подобного у нас не было. Да, случались какие-то накалы, какие-то страсти по поводу кого-то, какой-то отдельной страны. Конечно, самое страшное — Карибский кризис. Вьетнам еще не так. Но потом все шло как-то спокойнее — умели договариваться.

Когда наши вошли в Афганистан, мировое сообщество напряглось, усилилось противостояние на Ближнем Востоке со Штатами, они подсутились: организовали бойкот Олимпиады-1980 в Москве. Но все равно так, как сегодня, это не выходило на первое место. Это не было главным в моей жизни, в жизни моих близких людей. Это было временно — да, какое-то время: неделю-два-месяц. Потом абсолютно забывали об этом. У нас были другие — внутренние — проблемы, мы жили своей

собственной содержательной жизнью. Люди жили «этой жизнью», а не какими-то потусторонними желаниями «кому-то там ответить...», что никогда не казалось первостепенным и не определяло ход жизни, хотя я допускаю, что, например, в кругу военных могли быть другие настроения...

За месяц до того, как я пришел в пединститут осенью 1964 года, из него ушел Е. М. Тяжелников. Вместо него ректором стал Николай Андреевич Тomin — участник Великой Отечественной войны. Потрясающий человек! После него в 1971 году институт надолго возглавил Сергей Васильевич Шулепов, выдающийся физик, крупнейший специалист в области физики углерода, внесший заметный вклад в разработку оборонных технологий. Ректорами случайно не становились — это действительно были весьма незаурядные, своеобразные люди с мощным внутренним стержнем. Но, конечно, у всех были свои прибабахи. После смерти Шулепова в 1994 году ректором стал Александр Филиппович Аменд. К этому назначению я приложил руку, уже будучи при власти...

В начале 80-х годов события стали ускоряться. Врезался в память уход из жизни секретаря по идеологии М. А. Суслова, который даже чисто визуально воспринимался как «серый кардинал». Погиб в непонятном ДТП белорусский лидер П. М. Машеров. Несколько раньше сравнительно молодым ушел из жизни Ф. Д. Кулаков, секретарь ЦК КПСС, который рассматривался как кандидат в генсеки. Возраст членов Политбюро и кандидатов в члены всегда был за 60, а меньше 50 — вообще не было никого! В это время Л. И. Брежнев начал представлять из себя интересное зрелище... Но для нашей институтской публики опять же это было не на первом месте. Мы не были озабочены тем, кто у нас будет «царем». Это в голове не сидело. У них там своя жизнь, а у нас своя. И было вполне осязаемое ощущение стабильности, что мы все-таки идем вперед и растем. Мы росли биологически, но мы росли и социально. Изменения были. А вся критика немощи генсека была на уровне анекдотов. Да, я сам являлся членом партии — но никакого внутреннего диссонанса у меня не было.

Конечно, нас в какой-то мере интересовало, кто придет к власти после Брежнева. Особенно когда начались подвижки в «верхних слоях политической атмосферы». Но мы четко понимали, что — кто бы ни пришел — ничего не изменится, советская машина будет работать. Точно так же, как работает американская машина, независимо от смены президента. Правда, у нас в середине 80-х эта самая «машина» начала давать сбои и вскоре развалилась буквально в одно историческое мгновение.

Приход Ю. В. Андропова я воспринимал вполне нормально, несмотря на его некоторые зажимы, поскольку знал важное для меня, например, что он сберег театр на

Таганке. И вообще Андропов производил впечатление очень умного человека и действительно оригинальной личности. Понятно, что на восприятие новой реальности влиял мой собственный возраст. У Сэлинджера есть такая зарисовка: «Что такое общество? Это машина. За рулем родители, а дети на заднем сиденье. И дети всегда просят родителей прибавить скорость! Родители отвечают, мол, вот когда вырастете и сядете за руль — тогда и прибавляйте скорость сами!» И в предчувствии молодежной революции на Западе Сэлинджер писал: «Дети просят остановить машину, они уже не хотят ехать на этой проклятой машине под названием «общество»! И когда родители не останавливаются — они на ходу выбрасываются из машины: руки и ноги в крови... «Мы не будем ехать на вашей машине!»

Так вот: мы ехали на этой «машине», и мы не подстегивали: «Давайте быстрее!» А «сбоить» стало, когда началась быстрая смена генсеков во время «гонки на лафетах» или «пятилетки пышных похорон», как острили тогда критики режима. И вот, наконец, состоялся приход Горбачева... Воспринимали его по-разному. Важно, конечно, что всего 54 года, молодой — отсюда ожидание: что же он предложит? А он был шибко говорливый. Помню, на совещании заведующих кафедрами в Москве (кажется, в 1986 году) перед нами выступил сам Горбачев. И у меня возникло ощущение, что в нем все-таки больше жил не выпускник МГУ, а комбайнер. Ему, видимо, сильно хотелось быстро пропахать нашу «пашню»...

А с другой стороны, у него было юридическое образование, а такая публика прибавочную стоимость не приносит, результаты труда юристов руками не пощупаешь, а слов много... Тут и цены на нефть подсели, а в мае 85-го приняли антиалкогольный закон, который тоже зацепил экономику. Но главное — у него не было экономического мышления, системного мышления. Что бы мы ни говорили о Брежнев, Андропове, даже Хрущеве, но они обладали системным мышлением и четко выстраивали: это первое, это второе, третье — этот элемент системообразующий, это направление самое главное.

Помню, мы поспорили с Виктором Лазаренко, который был профессором, доктором сельхознаук, ректором Троицкой ветеринарной академии. А еще он работал в министерстве. И Виктор мне рассказал, как однажды Горбачев, еще будучи секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, подготовил радикальную реформу отрасли. И Лазаренко, как специалист, пытался разобраться в сути его предложений и пришел к выводу, что такая реформа угробит сельское хозяйство! А я с ним пытался спорить: «Витя, ты чего, там есть очень интересные идеи!» Но Лазаренко выступил на бюро обкома партии с разносом этой горбачевской программы.

И вот случилось именно то, о чем Витя говорил про

Горбачева, когда тот был секретарем по селу. Все слова повторились: «Мы и это сделаем, и то, и туда пойдём, и сюда, и в сторону демократии, и проведем конверсию в экономике...» Что его отличало от прежних лидеров? Раньше первые руководители намечали стратегическую цель и последовательно, этап за этапом, ее достигали. А при Горбачеве, условно говоря, пошла стрельба по разным направлениям, по площадям. Везде как бы вспыхивали совершенно бесцельные фейерверки из словесного трепана. Он же был сравнительно молодой, энергия в нем бурлила, но она была какая-то бездумная.

Созрели мы для тех изменений, которые проводил Горбачев? Да, созрели и понимали, что действительно индустриальное общество скоро закончится... И нужно готовиться вступить в новую постиндустриальную эпоху — или информационную, как ее называл Тоффлер. И уже ученые спорили, каким путем мир войдет в новую волну: эволюционным или революционным?! Здесь были разные предложения. Наш великий физик и правозащитник Андрей Дмитриевич Сахаров рассуждал о теории конвергенции как о последовательном, системном вхождении социализма в рыночные и демократические реалии. Кстати, дальновидные китайцы именно этот метод и взяли на вооружение.

Возник судьбоносный вопрос: «Какие методы брать для решения насущных задач? Вроде бы цель поставлена — демократические преобразования. Но как достичь этой цели? И здесь была совершена страшная ошибка: наша «перестройка» оказалась не похожей ни на китайскую, ни на американскую, ни на европейскую. Там ведь тоже проходили перестройки. Вспомним Сэлинджера: «Дети просят остановить машину...» И в других странах было все непросто, например, во Франции бушевали молодежные бунты в конце 60-х, когда генерал де Голль для их подавления даже применил танки. Но там нашли выходы, нашли решения — опираясь на систему. У нас же выбрали самые порочные методы, которые предлагал постмодернизм. Конечно, эту модную философию наверняка не знали ни «комбайнер Горбачев», ни, например, Александр Дзасохов (член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991), который на регулярных совещаниях в Москве учил нас уму-разуму, когда я был секретарем обкома. Боже, какую ахинею он нес!

Недаром Маркс заметил, что «история повторяется дважды — первый раз как трагедия, второй — как водевиль». Первым видным осетинцем у нас был Джугаев-Джугашвили, вторым — Дзасохов. Думаю, они и не догадывались сами, но предложили именно методологию постмодернизма, идеи которого оказались весьма созвучными «перестроечным» Горбачева, а потом и Ельцина.

В свое время один из видных постмодернистов Жан-Франсуа Лиотар предложил отказаться от диктата со стороны так называемого законодательного разума.

Секретарь горкома КПСС В. Липский на митинге. Слева сзади: Л. Субботина, А. Алексеев, 1989

«районные братки». Вот в этом вся трагедия — мы ни одной поставленной тогда цели не достигли. Если у нас компартия сама начала реформы, она должна была и контролировать этот процесс. Вспоминается лихая частушка: «По России мчится тройка — Мишка, Райка, перестройка!» То есть опять — тройка! Русь — птица-тройка! Куда мчится? И опять нет ответа...

Наша «Литературная газета» в 1993 году направила Тоффлеру поздравление: «Ваше пророчество о крахе социалистического строя состоялось!» Мол, какой вы мудрый. И вот его ответ: «Не следует терять чувство исторической перспективы. Подлинная перемена — это закат индустриального общества, а капитализм и социализм были порождением индустриального общества. Если одно из этих порождений потерпело крах — почему вы пребываете в уверенности, что такой же крах не потерпит и второе, то есть капитализм?» Ведь еще в 1970-е годы «капитализм» на Западе стал ругательным словом. Политики стеснялись это слово произносить вслух, за исключением, может быть, Линдона Джонсона с его «народным капитализмом». А больше-то ни в одной программе развития это понятие не звучало.

Мы всегда отстаем на темп — у нас почти все бурно радовались, что рухнул социализм и мы, наконец, вступим (или вернемся) в капитализм — а там, на Западе, уже пришло время попрощаться с капитализмом. Помню, как в 1975 году по приглашению Союза университетских студентов Швеции и Норвегии я впервые побывал в капиталистической стране, в Швеции. Какие там были интересные встречи и бурные дискуссии, например, на тему: «У вас капитализм, а у нас социализм...»

Ах, как они нас размазали, показав, что в Швеции, по сути, социализм, а у нас фактически империализм! Мы возмущались, мол, как же так? Вот ведь у Ленина есть пять признаков империализма, тут написано!.. А они нам в ответ: «У Ленина есть еще два признака: милитаризация экономики и низкий жизненный уровень. Вот как у вас...» И они нам показали такое... скажем, какое пособие получает ребенок, сколько получает мать, воспитывающая одного ребенка или родившая второго. Или какие права имеет гражданин, какие налоги он платит, какие получает социальные пособия, пенсии по возрасту и т.п. На третий день мы стали задавать им вопросы: «А что же тогда, например, в Австрии или Франции?» — «В Австрии — смешанное общество, во Франции — анархизм...» Так шведские социологи персонифицировали каждое общество. А у нас всегда считалось: все, что за границей, — это «гадкий капитализм». И вот на наших глазах эти капиталисты сами все разложили по полочкам и квалифицировали с учетом происходящих изменений. Правда, не припомню, чтобы шведы судили о Штатах, они все больше говорили про Европу. Думаю, они не обсуждали и Азию, потому что никакой ум не может охватить целый мир со всей его спецификой... *БК*

Вместо диктата — согласно постмодернистскому дискурсу — мы можем достичь только временного соглашения по конкретному вопросу, но не признаем ни за кем право на единственно верное толкование ситуации. Любое явление, состояние, решение может иметь множество интерпретаций. И спор, несогласие должны быть первичными по отношению к согласию и единомыслию.

А Жак Деррида предложил другой метод изменения всего сущего — деконструкцию. То есть любая конструкция должна быть разрушена. Долой структуру, долой что-то устойчивое. Это как «броуновское движение», где ничего постоянного нет, где все зависит от ситуации — сегодня одна, а завтра другая. Основное назначение техники и технологии деконструкции — это разрушение любых иерархических структур, любых ценностей, любых предпочтений и привязанностей.

Ну, об этом можно бесконечно говорить — о постмодернизме сейчас много пишут. Вот эта методология и стала инструментом «перестройки». И сгубила ее. Мы фактически разрушили существующую систему, разобрали работающую машину. Поэтому «перестройку» кто-то на Западе назвал «дебилдинг», что у нас переводили как «ломать — не строить». Перестройка разбирала эту машину. И поэтому ни одна из целей, которые ставила перестройка, не была достигнута. И демократия тоже не случилась.

Еще Алексис де Токвиль в XIX веке в трактате «Демократия в Америке» мудро предупреждает: «Если общество выстроилось, стало на путь демократии — обязательно должна быть сила, которая сдерживает этот процесс в берегах». Путь демократии достаточно долг — и все время должна быть какая-то сдерживающая сила. Этот процесс, прежде всего, связан с изменением сознания людей, а для этого необходимо время. А иначе этот путь приведет не к демократии, а к охлократии, то есть тирании черни. У нас в 90-е годы случилась именно охлократия. «Лихие девяностые» — это и есть охлократия. Потому что процессом начали рулить «быки»,